

УДК 894. 321

НОВЫЙ ЖАНР В ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: «ТАТАРСКАЯ ТАНКА»

Ф.Ф. Хасанова, кандидат филологических наук

Все эти стихотворения очень коротки, а между тем ни к одному из них решительно нечего прибавить.

Н.Некрасов

Эти слова русского поэта были сказаны о поэзии Ф.Тютчева. Известно, что Тютчеву, мастерски владевшему словом, особенно удавались стихи с глубоким философским содержанием. В литературоведении даже существует формула «тайна Тютчева» [9;200]. Поэзия Тютчева – это поэзия мысли. Его стихи звучали как ответ на реальные философские и политические вопросы времени. Некоторые смотрели на его стихи как на «чудесные вымыслы». А вот Иван Аксаков считал, что поэзию Тютчева нельзя препарировать, и взамен названия «мыслящая поэзия», скорее, нужно применять понятие «поэтическая мысль». В данном случае речь идет о том, что в стихах Тютчева мысль не надета, как перчатка на руку, на художественную форму, а является единым целым, как тело с кожей. Иначе говоря, это не поэтическая форма, а сама поэтическая мысль. Философская мысль в данном случае понимается как тема [9;201].

Процесс рождения нового жанра в русской поэзии активно шел в конце XVIII – начале XIX вв. Жанр может родиться только тогда, когда соединяются поэтическое слово и тема. Как принято считать в истории литературоведения, требуется некоторое время для того, чтобы тема слилась со стилем. Лишь потом этот союз становится формой, жанровой особенностью. В философской лирике не стихают спо-

ры о форме, жанрах. Новый материал, новый язык, «оттенки метафизики» [9;204] – понятия для философской лирики обыденные.

Ф.Тютчев рассматривал краткость через понятие «фрагмент». Эстетическую форму под названием «фрагмент» первыми признали романтики Запада, в этом случае мы имеем в виду прежде всего Г.Гейне.

Итак, речь в этой статье пойдет о коротком стихотворении. Говоря точнее, поговорим о творчестве татарского поэта Мухаммата Мирзы, который не только активно участвует в литературном процессе, но и прокладывает свою четкую дорогу в литературе (после Равиля Файзуллина это очень непросто!). Он никогда не оставался без внимания критиков и поэтов. О его творчестве высказывали свое мнение Рустем Мингалимов, Лена Шагыйрджан, Мударрис Аглямов, Нияз Акмал, Галимджан Гильманов, Мансур Валиев, Асия Юнусова, Ахмет Рашитов, Зиннур Мансуров, Рабит Батулла, Ркаил Зайдулла, Валентин Устинов. В этих отзывах упор делается на своеобразие его поэзии, умение выразить многое в нескольких словах, о том сильнейшем впечатлении, которое оказывает его поэзия на читателя. Также общим мнением стала мысль о том, что стихи М.Мирзы обогащают татарскую поэзию. Вместе с тем назрела необходимость дать оценку творчеству поэта

с научной точки зрения, исследовать ее в монографическом плане. Новый сборник «Сын Адама», вышедший недавно на четырех языках, особенно представленный в нем новый жанр, требует своей научной оценки. Поскольку в рамках одной статьи невозможно дать всесторонний анализ, а потому короткие (и не только короткие!) стихи М.Мирзы в перспективе требуют дальнейшего исследования в контексте тюркских литератур.

С учетом характера высказываемых мыслей и природы чувств лирику обычно делят на гражданскую, интимную, политическую, пейзажную, философскую. Однако в поэзии бытует и термин «поэзия мысли». Когда мысль и выражение своей точки зрения преобладают над чувством, получается философская лирика. В то же время не вызывает сомнения тот факт, что в основе стихотворения лежат чувство, переживание. В поэзии мысли также есть чувство, однако оно облекается в форму переживаний по поводу размышлений о человечестве, жизни, Вселенной. И чтобы понять такую поэзию, принять ее, необходимо проникнуться заложенной в нее философской мыслью.

После прочтения сборника Мухаммата Мирзы «Сын Адама» возникает желание снова обратиться к теории стихосложения. Вот для примера одно из стихотворений: «Порою жизнь сладка ему – / «Вот это я!» Он горд собой» /Таков от века сын Адама.../ Раскрыть глаза спешу тому, / кто от бахвальства сам не свой». [3;36] (Перевод А.Каримовой).

Поскольку в оригинале чувствуется прозаизм, попробуем превратить стихотворение в прозаическую форму, но не получается. С синтаксической точки зрения предложение неправильное, мешает инверсия в последних двух строчках. А инверсия – это явление, свойственное поэзии. Чтобы стихи стали стихами, формально необходимы ритм и рифма. Во второй и пятой строчках этого пятистишия рифма есть

(абвгб). Надо сказать, что в каждом стихотворении сборника этот способ рифмовки сохраняется, в некоторых наблюдается рифмовка трех строк. То, что каждая строка состоит из шести ритмически организованных слогов, уже ясно демонстрирует наличие ритма. На наш взгляд, в данном случае можно говорить о поэтической мысли в форме пятистишия, т.е. о своеобразном строе стиха, иначе говоря, ритмики Мирзы.

В поэзии Ближнего и Среднего Востока, у некоторых кавказских народов, в частности у армян, есть форма пятистишия, называемая «мухаммас». Но мухаммас состоит не из одной строфы. В его первой строфе наблюдается одна общая рифма или явление редифа (араб., букв. – сидящий позади всадника) – термин поэтики восточных народов, слово или группа слов, повторяющихся в стихе за рифмой [4;277]. В других строфах вид рифмы уже совсем другой. Например, так написан дастан туркменского поэта Молланепеса «Зухра и Тахир» [4;195]. Еще одна форма пятистишия существует в испанской лирической поэзии и называется квинтилла, ее рифма – абааб [4;154].

Как видно, приведенные примеры говорят о том, что пятистишие встречается в мировой поэзии. Но поэтические особенности их другие, нежели в стихах М.Мирзы.

Стихотворения, вошедшие в сборник, можно назвать миниатюрами с точки зрения композиции, содержания и объема. Миниатюра, т.е. произведение малого объема, содержит в себе мысль или образ с большой степенью обобщения. В поэтическом словаре «миниатюра» характеризуется как самая сложная, содержательная и в высшей степени отточенная форма, которая под силу лишь большим мастерам [4;186]. В число миниатюр включают философские четверостишия Омара Хайяма, японские танки, в эту группу также входят русские частушки и фольклорные анекдоты и мзэки. Продолжим чтение М.Мирзы: «В бла-

гословенный, добрый час / да избежит напастей он... / Таков от века сын Адама – / идущий праведной дорогой / духовным светом защищен...» [3;132]. (Перевод Т.Шарафиевой).

В поэзии есть такой вид философских стихов, которые называются медитативной лирикой и для которых характерно глубокое погружение автора в размышления о проблемах человеческой жизни, о дружбе, любви, природе и т.д. [4;177]. По нашему мнению, стихотворения, вошедшие в сборник «Сын Адама», было бы закономерно рассматривать именно с этой точки зрения. Каждое стихотворение можно условно разделить на две части, как и японскую танку. Эти части соединяет образ «сына Адама». Здесь этот образ может претендовать на значение символа. И если в первых двух строках он является субъектом, то во второй части стиха «сын Адама» становится объектом. То есть сначала мы наблюдаем за действиями, мыслями сына Адама, а затем ему дается совет, высказываются предложения.

На первый же взгляд мы видим, что приведенные в качестве примера стихи обладают совершенно особой формой. Во-первых, почему пять строк? В татарской поэзии существует «строфа Хафиза» – стихотворение, состоящее из пяти пятистиший. Также не чужды татарской поэзии стихотворения, состоящие из одной строчки – формы, свойственной первоначально пословицам и поговоркам, затем вошедшие в татарскую поэзию с легкой руки Равиля Файзуллина. В творчестве М.Мирзы также есть стихотворения, состоящие из одной строки [6;251], но они еще не переведены на русский язык.

Двустихия искони присущи татарской поэзии, русские называли их виршами. В этом жанре работал Адхат Синугыл-Куганаклы. А в творчестве М.Мирзы двустихия наблюдались уже в сборниках «На Млечном пути» [5;303] и «Живая вода» [6;351]. Вот пример: «Весы поэзии, они точней иных. / Любую ценность можно

взвешивать на них» [6;63]. (Перевод Гаухар Хасановой). Стихотворения М.Мирзы требуют от читателя напряженной работы ума. Настоящая поэзия мысли такой и должна быть.

Трехстишие – терцет – появилось в XIII в. в Италии. Его классические образцы представлены в творчестве Дэрменда. В творчестве М.Мирзы также немало трехстиший, состоящих точно из шести слогов.

В последние годы активизировалась форма рубаи – четверостишия. У татар теперь есть «свои Омары Хайямы». Классические образцы восточной поэзии можно встретить у Радифа Гаташа. Об этом писал Х.Миннегулов в своем труде «Жанр рубаи и Гаташ» [7;277-284].

Прекрасные образцы рубаи представлены также в творчестве Т.Миннуллина, Д.Гарифуллина, Г.Мухамметшина. Другие наши известные поэты также все чаще начали обращаться к жанру рубаи. У Р.Хариса вышел сборник рубаи на трех языках. Вот пример рубаи М.Мирзы: «Нужна мне ясность, думаю, поймешь. / Скажи, где правда у тебя, где ложь? / Ответь, на чью телегу примостился, / Хорош ли тот, чью песню ты поешь?» [8]. (Перевод С.Мальшева). Или: «Ты решил народ свой и веру предать, / В море благ окунулся, не жизнь – благодать... / Пышны проводы были – под стать фараону... / Каково тебе будет пред Богом предстать?» [8]. (Перевод С.Мальшева).

Четверостишие в татарской поэзии – явление частое, не случайно Р.Файзуллин еще в 1977 г. писал: «Главное – это рубаи!...». Но не все четверостишия отвечают классическим требованиям, предъявляемым к жанру рубаи. Рифма в рубаи имеет форму аааа, ааба, иногда абаб. Не все современные рубаи могут передать интонацию классических рубаи. В сегодняшние татарские рубаи часто врывается общественное звучание. Только Р.Гаташу удается сохранить традиционное философское и любовное со-

держание. Об этом его мастерском умении придерживаться классических традиций подробно писала профессор Резеда Ганиева [1;19].

Форма рубаи в творчестве М.Мирзы также занимает большое место [8;318]. Его рубаи несколько бедны с точки зрения любовной тематики, зато в них преобладает философичность, а временами даже начинает довлеть социальная тенденция. Для М.Мирзы с самого начала была свойственна краткая манера письма. В его поэзии ясно чувствуются традиции Акмуллы и Дэрдменда [10;114–124].

Вернемся к «Сыну Адама». Что касается пятистиший, то они в творчестве этого своеобразного поэта появились не сегодня. Они занимают довольно большое место и в предыдущих сборниках поэта. Однако по сравнению со стихотворениями, вошедшими в сборник «Сын Адама», они представляют собой лишь форму строфы, состоящей из пяти строк.

В творчестве Равиля Файзуллина пятистишия, каждое из которых имеет название, существуют с 1963 г. В основном поэт делит стих на части, состоящие из трех и двух строк, иногда – наоборот. Строки имеют разный размер, ритм в большинстве случаев соблюдается, рифма тоже есть, но она разная. В процессе рождения поэтической мысли в рамках одного стиха можно выделить этап «наблюдения» и этап «подведения итогов». В этом смысле два поэта схожи. Однако у М.Мирзы стихотворения более четко укладываются в некую систему. В отличие от пятистиший Р.Файзуллина здесь есть сквозной образ «сына Адама», который находится в середине стиха, широко используются народные пословицы и поговорки, четко соблюдается поэтический размер, рифмы располагаются точно, применяется прием инверсии. Также у М.Мирзы наблюдается сильная тяга к краткости и афористичности звучания. Пятистишия Р.Файзуллина тяготеют к свободному стиху, в них нет стремления «опоэтизировать» ес-

тественное звучание речи при помощи инверсии, а потому часть его стихотворений можно легко привести в прозаическую форму. К тому же мысль, которую собирается высказать поэт, вынесена в название стихотворения, а у Мирзы названий нет, точнее, его стихи имеют одно общее название – «Сын Адама».

Несомненно, сборник «Сын Адама» достоин отдельного внимания. Эти стихи демонстрируют новаторство поэта, они не просто своеобразная форма лирики, а скорее рождение и способ существования поэтической мысли. Еще один пример: «Чуть свет уж на работе он, / а ум его придет к обеду... / Таков от века сын Адама. / Но почему же обречен – / за что – жизнь такую он?» [3;30]. (Перевод А.Каримовой).

По интонации это стихотворение в оригинале также напоминает белый стих. Оно четко делится на две части. В первых двух строках описывается явление, здесь словно бы рисуется картинка. Остальные три строчки – это выводы или оценка. Попробуем рассмотреть эту новую поэтическую форму с точки зрения поэтики японской танки. Татарские поэты всегда восхищались жанром танки. Вот танка японского поэта Х в. Асатады из японской антологии «Песни ста поэтов» (1905): «Когда бы в жизни / Ни с кем мы не сходились, / Тогда бы, верно, / Мы ненависти к людям / Как и к себе, не знали» [4;353]. (Перевод В.Макаровой).

В танке тоже пять строчек, но в ней нет рифмы и ясно ошутимого метра. В древних формах танки третья строка стоит немного особняком, она делит стихотворение на две части и в то же время является как бы связующим звеном между ними. В танках XIX в. эта особенность в глаза не бросается. Но у М.Мирзы этот феномен «третьей строки» как раз и наблюдается. И это не обычная деталь. Она претендует на то, чтобы восприниматься как символ, иногда – как аллегория и даже укор. В танках количество слогов – от пяти до семи, всего 31. У Мирзы – 30 слогов.

Различие небольшое. В танке главная мысль кроется в первых трех строках. У Мирзы – в первых двух, но третья строка – общая для обеих частей. Вывод содержится в последних строчках. С точки зрения организации мысли стих Мирзы похож на японскую танку. Напомним, что японские танки воспринимаются во всем мире как неповторимый образец поэтического мастерства, краткости формы и ясности мысли. Но краткость, ясность и острое слово – качества, свойственные пословице. И действительно, в «Сыне Адама» их предостаточно. «Хвала и хвораго поднимает, / хула же с ног собьет быка... / Таков от века сын Адама: / всегда готова ложка дегтя / с его сорваться языка...» [4;122]. (Перевод Т.Шарафиевой).

Как видим, здесь есть не только пословица, но и афоризм. Еще один пример: «Людская мудрость по одежке / велит протягивать нам ножки, / иначе знай, о сын Адама: / свои прекрасные мечты / мечтами лишь оставишь ты» [4;122]. (Перевод А.Каримовой).

Дидактический по характеру жанр малых объемов, заключающий в себе пословицу или толкование философских, просветительских вопросов, назывался в восточной поэзии «хикметом». В его основе лежит поучительная мысль, высказанная в афористичной форме. Наиболее прославлен был в этом жанре Мауля Колай. Известны также хикметы Акмуллы и Дэрдменда. Однако по форме стихи Мирзы не похожи на эти стихотворения названных поэтов.

В греческих античных трагедиях были двустишия или четверостишия, которые завершали монолог и содер-

жали в себе оригинальную мысль или неординарное высказывание. Они получили название «гнома» [2;39]. Однако стихотворения Мирзы с точки зрения структуры не похожи и на гномы.

Следовательно, остается признать, что в татарской литературе возникла «татарская танка», являющаяся образцом медитативной лирики, возродившая жанр хикмета в новой форме миниатюры.

В истории мировой литературы известны факты, когда поэты давали имена новым, изобретенным им, поэтическим формам. Например, имя древнегреческого поэта Анакреона осталось в истории благодаря и тому, что он назвал своим именем стих, воспевающий красоту жизни [2;10]. В литературе также живут понятия «онегинская строфа» и «строфа Туфана». Однако в данном случае речь идет о новой поэтической форме.

Найдя свою своеобразную форму стихосложения, поэт, думаю, определит и вид этого жанра. В данном случае можно назвать новую жанровую форму исходя из псевдонима писателя. Может, это будет «мираз» (miraz) или «римаз» (rimaz). По-русски эта форма скорее всего будет названа «адамик». Так в поэтике часто и называют жанры. Например, couleur locale (фр.: местный колорит). Couleur locale в то же время считается и стилистическим приемом в художественном тексте, где описаны быт, природа, менталитет местного народа. Итак, новая форма существует. А является ли он фрагментом, миниатюрой или «miraz»ом – неважно. Пусть эта поэзия будет воспринята научными кругами и читателями. А найти ей название – это дело времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ганиева Р.К. Пророк-поэт современности: Традиционализм в творчестве Р.Гаташа / Поэт пророк современности / Резеда Ганиева // Просвещение, 2008. – 19 апреля.
2. Елисеев И.А., Полякова Л.Г. Словарь литературоведческих терминов / И.А.Елисеев, Л.Г.Полякова. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. – 320 с.
3. Ибрагимов И.М. Сын Адама: Стихи=Ademoglu:Surler=The Sons of Adam: Poems / Мухаммат Мирза. – Казань: Магариф, 2009. – 448 с.

4. *Квятковский А.П.* Школьный поэтический словарь: Справочное издание / А.П. Квятковский. – М.: Дрофа, 1998. – 464 с.
5. *Мухаммат Мирза.* На Млечном пути / Мухаммат Мирза. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2003. – 303 с.
6. *Мирза М.* Живая вода / Мухаммат Мирза. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2007. – 351 с.
7. *Миннегулов Х.И.* Вслушиваясь в голоса веков... / Хатип Миннегулов. – Казань: Мага-риф, 2003. – 335 с.
8. *Мухаммат Мирза.* Дорога к тебе: Стихи. Переводы с татарского / Мухаммат Мирза; Сост. С.Малышев, А.Каримова; Предисловие В.Устинова. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2006. – 318 с.
9. *Тынянов Ю.Н.* Литературный факт: Классика литературной науки / Вступ. ст., коммент. В.И.Новикова, сост. О.И.Новиковой. – М.:Высш. шк., 1993. – 319 с.
10. *Хәсәнова Ф.Ф.* Акмулла и его поэтический мир / Ф.Ф.Хасанова // Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции (Казань, 29 января 2007 г.). «Акмулла и современность». – Казань, 2007. – С.114-124.

Аннотация

В статье рассматривается творчество татарского поэта Мухаммата Мирзы. Об умении поэта выразить многое в нескольких словах, о том сильнейшем впечатлении, которое оказывает его поэзия на читателя. Сборник поэта «Сын Адама», вышедший недавно на четырех языках, особенно представленная в нем совершенно неизвестная литературоведению форма лирического жанра, требующая своей научной оценки, становится объектом исследования.

Ключевые слова: мыслящая поэзия, философская лирика, медитация, ритмика, поэтика, Восточная поэзия, пятистишие, афоризмы, миниатюры.

Summary

This article investigates the literary activity of the tatar poet Muhammad Mirza. The article is about the poets ability to express much in a few words and a great impression made by his poetry on the readers. His new collection of poetry «The Sons of Adam» has been published recently in four languages. It represents lyric genre which is completely unknown for the tatar literary criticism. This genre requires its scientific estimation and becomes an object of investigation in the article.